

НЕТ ПРОРОКА В ОТЕЧЕСТВЕ

Эссе

Часть I

Враги наши добивают нас по одиночке. Мы разобщены, может быть поэтому на Астафьева набросились с осуждением некогда почитающие его талант люди. С осуждением, а не попыткой понять и помочь, не позволив небольшой кучке манкуртов и космополитов провоцировать толпу "забрасывать и добивать камнями" того, кто послан судьбой принести нам вечное и доброе.

Вот уже больше года нет среди живых Виктора Петровича Астафьева. Мне, в силу жизненных обстоятельств, посчастливилось узнать ближе этого крупного русского писателя современности. Писателя со своеобразным характером, которого ругали враги и не жалели бывшие друзья, коллеги из писательского корпуса... После встреч с ним возникло желание поделиться впечатлениями от них. Это желание вылилось в небольшое эссе. Однако в силу ряда обстоятельств каждый раз эссе отклоняли от публикации. Теперь представляется возможность сказать об Астафьеве все, что хотелось в 1991 г.. За это время мое отношение к нему не изменилось. Он был и остается крупным русским писателем со сложной судьбой, творившего в сложнейшее для страны время, ошибавшегося, проклинавшего всех и вся, но любившего Россию. Поэтому я оставляю концовку такой и с теми словами и мыслями, которые возникли 13 лет назад.

К моему стыду, я очень поздно для себя открыл одного из крупнейших современных русских писателей - Виктора Петровича Астафьева, творчество которого - целое явление в русской литературе и уже неотделимо от нее.

Знакомство началось с рассказа "Ловля пискарей в Грузии", опубликованного в журнале "Наш современник". Рассказ произвел на меня сильнейшее впечатление, и не только своей правдой (я не раз бывал в Грузии и знаком с ее особенностями) и болью русского писателя за те "язвы", которыми была поражена тогда не одна Грузия, но еще и языком. Так писать мог только крупный писатель, умеющий обращаться с языком так, как скрипач-виртуоз со скрипкой.

Правда, вскоре на этот рассказ набросились критики, особенно с грузинской стороны, считая, что Виктор Петрович слишком предвзято описал современные грузинские обычаи, отношение грузин к своей истории, да и просто друг к другу. Началось шельмование писателя. К сожалению, лишь некоторые из русских писателей попытались защитить Виктора Петровича. Стало обидно, что нас в любом деле вот так каждый раз добивают по одиночке. А мы молчим и продолжаем "играть" отведенную нам по чужим правилам роль "русских интеллигентов", стыдясь даже тени от собственного достоинства и самоуважения. Поэтому я решил написать в редакцию журнала "Наш современник" письмо в защиту писателя. Вскоре на него получил ответ. Редакция разделяла мою точку зрения и поблагодарила за поддержку.

К этому времени я уже прочитал кое-что из написанного Астафьевым. Повесть "Царь-рыба" была для меня откровением, как некогда "Привычное дело" В.Белова. После я уже читал все, что выходило из под пера Виктора Петровича, и что удавалось найти. А некоторые вещи - по несколько раз, чтобы насладиться настоящим русским языком, его могуществом, его музыкой, его богатейшими возможностями, - тем, который мы, к сожалению, в наш технократический век, знаем на уровне газетного минимума.

Сейчас, почти через тридцать лет после окончания школы, я с благодарностью вспоминаю мою первую учительницу русского языка и литературы - Людмилу Петровну Керн, привившую любовь к родному языку, как к нечто большему, чем просто средству для передачи своих мыслей. Но осознание того, что без настоящего русского языка я не смогу понять ни оставленного нам литературного наследия, ни душу своего народа, ни нашу историю, у меня началось с произведений Астафьева. Вроде бы раньше читал и классиков, и современников, но не задавался вопросом о значении и сущности языка в нашей жизни. Ведь, как утверждают лингвисты, невозможно передать в переводе, например на французский язык, язык Пушкина и Есенина. Значит есть в них нечто особенное...

Но главное, произведения Астафьева заставили меня задуматься о "гуманитарной" составляющей человека, зачем мы живем и к какой цели стремимся, если жизнь наша стала напоминать "печальный детектив", и где мы, в каком времени потеряли наш "зрячий посох"?

На многие вопросы я находил ответы у Виктора Петровича, но и они вновь ставили новые вопросы. Он стал для меня одним из любимых писателей современности, обладающим даром духовного поводыря и пророка.

А тут еще вихрем в нашу жизнь ворвалась "перестройка", основательно разрушая на своем пути даже то, что не подлежало разрушению. Со временем накопилось много вопросов. Разобраться куда мы идем, кто есть кто и что нас ожидает - такое непреодолимое желание появилось у меня вместе с моим коллегой по аспирантуре, когда накал "перестроечных" страстей достиг максимума. Мы решили набраться наглости и прийти в гости к самому Виктору Петровичу Астафьеву и поговорить с ним с глазу на глаз. Нам нравилась его прямота и искренность, и то, что в 1987 году он еще активно отбивал все нападки на русский народ.

Узнать домашний адрес не составило труда, т.к. Виктор Петрович большую часть времени жил в городе Красноярске в Академгородке и в свою деревню Овсянку уезжал, чтобы спокойно поработать или просто отдохнуть от городской суеты и от депутатских забот. Панельный пятиэтажный дом, в котором находится его квартира, расположен на очень крутом берегу Енисея. Вид с берега изумительный, тем более, что с него была видна сама Овсянка.

И вот 30 апреля 87-го года - за день до дня рождения писателя - мы дерзнули навестить его.

Дверь открыла Марья Семеновна - жена Виктора Петровича, его ангел-хранитель и первая его помощница, кстати, написавшая несколько книг. Она спросила кто мы и с какой целью пришли, и предупредила, что Виктор Петрович болен, у него обострилась пневмония. Наш разговор услышал Виктор Петрович, хотя он лежал в крайней комнатухе - своем рабочем кабинете, и громко спросил кто мы, не писатели ли?

Мы ответили, что не писатели и к литературе не имеем отношения, мы аспиранты и хотели бы поговорить с ним о наболевшем и о литературе.

- Заходи, ребята! - крикнул он. - Это хорошо, что вы не писатели или поэты, надоели они, покоя нет от них. Вчера пришел один местный поэт и говорит, что написал за вечер шесть стихотворений, которые я должен оценить. Представляете шесть! Разве можно написать столько за один вечер, да на разные темы?

Мы вошли в комнату. В углу стояла белоснежная кровать, а на ней лежал веселый Виктор Петрович. Признаться, видеть писателя в такой ситуации было непривычно. Почему-то вспомнился больной Некрасов с известной картины - что-то общее было между двумя классиками... Может быть эта открытость, искренность, допускающая посторонних в свой интимный мир в минуты физического недуга. Но было еще в Викторе Петровиче что-то от бравого солдата, глаза которого как бы говорили: "Не дрейфь, ребята, прорвемся!"

- Не стесняйтесь, ребятки, располагайтесь. - Хоть с нормальными людьми поговорю. - Марья Семеновна, не беспокойся, это "нормальные" люди, мы немного с ними побеседуем, - обратился Виктор Петрович к вошедшей жене.

Сразу же завязалась беседа, которая длилась около трех часов. Мы много интересного узнали для себя, а главное нашли ответы на многие свои вопросы. Рассказал Виктор Петрович и про свою поездку во Францию, где он посетил русское кладбище Сент-Женьев де Буа, чтобы на могиле гения русской литературы Ивана Бунина покаяться и попросить прощение, как он выразился, "за нас засранцев, живущих в беспамятстве".

- Вы знаете, - рассказывал он, - мне дали женщину гида, чтобы она помогла найти мне могилу Бунина и других известных россиян. - В этот период у меня обострилась болезнь, тяжело было ходить. Но когда я зашел на территорию кладбища, какая-то неведомая сила, проведение повели меня к могиле Бунина. У меня появились силы и я сам очень быстро нашел ее. Это была очень скромная могила. Стоя перед ней я сказал, что не буду чувствовать себя спокойно до тех пор, пока еще один великий русский писатель, изгнанный с Родины, будет жить на чужбине, и, чтобы потом моему сыну не пришлось приезжать на его могилу и каяться за нас грешных...

Потом он рассказывал и о посещении могил других русских людей - простых и великих, которые нашли последний приют на чужбине, но где с уважением относятся к их памяти и не тревожат их вечный сон устройством дискотек и прочих сатанинских оргий на могилах.

Касаясь литературных встреч, он отметил, что на Западе большим спросом пользуется русская литература, а из современных писателей там предпочитают "деревенщиков" или, как их еще презрительно называют некоторые наши критики - "почвенников".

В ходе беседы Виктор Петрович часто переключался на фотографии, которые висели в его кабинете, и рассказывал о знакомых нам лицах: о Распутине, о Белове, о Михаиле Ульянове, о Николае Рубцове, с которыми он дружил, и о других. Мы узнали о судьбе многих современных русских писателей, с которыми были знакомы только по произведениям. А тут еще и информация о творческом пути с элементами быта. Мы прониклись еще большим уважением к ним. Да и у самого Виктора Петровича судьба была не из легких. Она дала о себе знать, да еще фронтовые раны, а теперь и эта пневмония, которая заставляла его через каждые пятнадцать минут сильно кашлять и проделывать соответствующие процедуры...

Слушая рассказ о шестом съезде писателей, я спросил Виктора Петровича о его отношении к творчеству и личностям Е.Евтушенко, Р.Роджественскому, Б.Окуджава и А.Вознесенскому, памятуя о нашумевшей фотографии на обложке "Огонька". Сам я не являюсь поклонником ни одного из перечисленных "придворных" поэтов.

Надо отдать должное сочности характеристик, которые дал Виктор Петрович каждому из перечисленных, так называемых, "шестидесятников". Нет необходимости приводить эти характеристики по многим соображениям. Но общую характеристику все же следует привести, т.к. она дает некий трезвый взгляд на значимость творчества того или иного писателя, поэта.

- Понимаете, - сказал Виктор Петрович, - к примеру, вот этот поэт - коровья лепешка на асфальте, но и эти коровьи лепешки нужны, чтобы на их фоне можно было выделить истинного писателя, поэта, художника. Нужна и Алла Пугачева, чтобы на ее фоне мы смогли выделить истинно великую певицу....

Что касается личности писателя, поэта, то тут нет однозначной связи. Хороший человек не обязательно должен хорошо писать... Затем он задумался и добавил: "Человек может быть хорошим писателем, но при этом быть отъявленным мерзавцем".

Эта фраза нас поразила. Хороший писатель, "инженер человеческих душ", и вдруг - мерзавец. Она не укладывалась в нашем сознании: хороший писатель не может быть просто статистом времени, он преломляет время через свою душу, он в каждой строчке написанного... Это откровение писателя было подобно холодному душу на морозе.

- Знаете, что я вам скажу, - продолжил Виктор Петрович, памятуя Толстого, - если вы, например, сильно захотите писать, и, если сможете не писать, лучше не пишите... Это большая ответственность... У меня сейчас в столе, - откройте его, попросил он, - лежит большой роман о войне (роман "Прокляты и убиты"), где я показал войну такой, какой она была. - Это будет бомбой для некоторых... Смотря современные фильмы и читая книги о войне, мне кажется, что я был на другой войне. В этом убеждал и К.Воробьев в своих произведениях...

Помолчав немного, он продолжил.

- А вообще-то, вы знаете, ребята, мы, наш народ перестали быть любознательным, мы не интересуемся своей культурой, историей, мы безразличны даже к собственной судьбе... Образованцы мы, засранцы... А наше слово писателей сейчас мало что решает...

После беседы он подарил нам по одной своей книге. Мне он написал в пожелании "...на добрую память - будьте всегда самими собой, ребята!"

Часть II

Позже, почти через год - 22 января, нам вновь пришлось навестить писателя у него дома, хотя мы регулярно посещали литературные встречи с ним. Но для этого визита были свои причины.

"Зеленые" Новосибирского Академгородка просили передать карту Енисея с намечающимися пятнадцатью ГЭС, чтобы он, как депутат, выступил против их строительства - иначе Енисей из-за множества водохранилищ и каскадов, как и Волга, превратится в болото и помойную яму. К этому времени он активно выступал против продолжения строительства под Енисеем хранилища ядерных отходов... Позже мне пришлось самому увидеть, например, во что превратила окружающую природу - эту "Сибирскую Швейцарию" - Саяно-Шушенская ГЭС, мощности которой были практически не востребованы...

И вторая причина - просьба известного ученого философа из Белорусской АН - Бегуна В.Я. (с которым мы переписывались), почитающего талант Виктора Петровича, передать ему свою только что вышедшую книгу.

За это время семью Астафьевых постигло большое горе - во время операции умерла их дочь. Неудобно было как-то нахально, без предупреждения идти в гости, поэтому мы предварительно позвонили. Виктор Петрович сказал, что обязательно примет нас. Дверь в этот раз он открывал сам, сказав, что Марья Семеновна вот уже полгода не может прийти в себя после смерти дочери, лежит у себя в комнате. Потом он провел нас в зал и усадил за стол. Мы передали все послания, подробно рассказав о пожеланиях и опять задали ему массу вопросов. Он охотно на все ответил, лишь пожаловался, что за эти последние полгода не может работать больше пятнадцати минут, еще не отошел от смерти дочери. А раньше вкалывал по пятнадцать часов в сутки. А нужно заканчивать рукопись...

В разговоре мы как-то переключились на историю, и я спросил его почему до сих пор не издают "Историю Государства Российского" Карамзина в таком виде, чтобы каждая русская, семья могла ее иметь у себя дома.

Виктор Петрович поднялся и подошел к книжной стенке.

- Вы знаете, - обратился он к нам, - моя бабушка оставила мне в наследство большой сундук, а в нем самое ценное для меня - двенадцать томов "Истории" Карамзина. - Посмотрите хотя бы один том, - он подал мне первый том. - Это издание специально для народа. Оно было в качестве приложения к журналу "Нива" - выходил такой до революции. Конечно, бумага не высшего качества, почти серая, но стоимость одного тома всего одна копейка! Каждая крестьянская семья, в которой были грамотные, могла позволить себе иметь полное собрание - все двенадцать томов. Тогда специально для крестьян выпускалось очень много разной литературы. Вся она была хорошо иллюстрирована, выпускалось много лубочной литературы,

т.к. это было понятнее народу. До революции по книгоизданию мы были на десятом месте в мире, сейчас - на пятидесятом. Большая часть литературы печаталась в Германии, но для нас...

- Кстати, по поводу печатания "Истории...", - продолжил Виктор Петрович, - многие русские писатели (Вася Белов, Распутин, Ю.Бондарев, М.Алексеев и другие) согласились не печатать свои книги, а отдать всю бумагу и деньги, которые должны пойти на их книги, для издания "Истории..." Карамзина, чтобы каждая русская, российская семья могла иметь ее у себя дома. По этому вопросу ко мне должен вот-вот подъехать редактор журнала "Москва" М. Алексеев.

Я взял том "Истории" и быстро пролистал его. Бумага действительно была серой, причем хорошо сохранившейся, и цена на обложке - всего одна копейка! Ведь думали о народной памяти. Слава русским меценатам!

Потом Виктор Петрович рассказал о планах. Посетовал, что нужно ложиться в больницу, друзья организовали путевку... Но хотелось бы ему попасть в Иркутск на встречу с журналом "Наш современник", журнал, который открыл его как писателя. А потом отдать дань памяти Васе Шукшину - съездить в Сростки. Тут еще депутатские дела навалились...

- Знаете, ребята, я хорошо знаю историю России. Всегда в ней за послаблением следовала черная реакция. - Молю Бога, чтобы вам не пришлось испытать в вашем возрасте ужасы насилия и жестокости...

Поговорив еще и получив заряд оптимизма и бодрости, мы распрощались. После мы также регулярно посещали все литературные встречи Виктора Петровича с читателями.

Через два года после наших визитов в январе в здании Краевой библиотеки состоялась встреча с редакцией журнала "Наш современник", которую вел Виктор Петрович. На ней речь преимущественно шла о проблемах русского народа и о русской литературе. Выступали поэты Ю.Кузнецов, С.Куняев, публицист В.Бондаренко и другие. С болью в сердце и пониманием говорили о наболевшем. Это было духовное единение литераторов и читателей. Говорили о наших проблемах, никого не затрагивая. Но были на встрече и провокационные выкрики в обвинении писателей в антисемитизме (слева в зале всегда сидели представители еврейства) ... Даже здесь на встрече с русскими писателями, на своей земле, в здании построенным русскими руками мы не могли говорить спокойно о наболевшем, о наших проблемах...

На этой встрече почтили также память безвременно ушедшего ученого патриота В.Я.Бегуна. В последних письмах он писал, что тяжело болеет - был доведен на суде по его иску (в связи с публикацией в газете "Советская культура", где его обвинили в проповедовании фашизма) сионистом Черкизовым до инфаркта. Потом была травля уже в Минске, вплоть до травли всей семьи на бытовом уровне... Каждый уезжающий в Израиль еврей считал своим долгом зайти к нему на работу и в оскорбительной форме высказать все, что он думает о Бегуне.

Так получилось, в феврале я стал соседом Виктора Петровича. Но самое интересное то, что я снял квартиру его учителя, малоизвестного в России поэта, не зная об этом. Сам поэт уже умер и его жена Нина Моисеевна через свою дочь, ведущую местного телевидения, сдала на полгода квартиру. Я вселился и, по привычке, стал наводить порядок. Каково было мое удивление, когда в стопке бумаг, которые лежали в углу в виде мусора, я обнаружил грамоты, орденскую книжку и еще какие-то документы поэта...

Меня это страшно поразило. Беспмятство проникло во все слои населения, даже достаточно благополучные. Но трудно было ожидать, что в семье умершего поэта, пусть недостаточно известного, но сыгравшего определенную роль в судьбе Вити Астафьева, так относятся к его памяти.

Наверное отсюда идут все наши беды - от беспмятства, от безразличия к собственной судьбе и судьбе будущих поколений, о чем Виктор Петрович сказал, что таким варварским отношением ко всему мы уже обокрали всех своих праправнуков...

И он прав, мы перестали быть любознательными. Мы потеряли свое национальное лицо, мы предали предков, низвергнув своих героев, кем гордились все поколения. Теперь, в наше время, основной герой - преуспевающая проститутка, делец, а бог - доллар...

Раз в месяц я приносил квартплату дочери поэта, она жила со своей семьей в соседнем доме, и мы, бывало, подолгу беседовали на "горячие" темы. Особенно часто касались журнала "Наш современник", который я регулярно выписывал и читал. Она не любила этот журнал, потому что никогда его не читала, но знала мнение о нем многих своих коллег и пишущей московской братии, которая регулярно выступала в печати, организовывала "апрели" и разные "процессы века", называя журнал "националистическим, фашистским"... Это-то журнал, в котором печатали Астафьева, Белова, Распутина, Абрамова, Солоухина, Шафаревича и других крупнейших русских писателей, публицистов!? От нее я узнал, что ее семья дружит с семьей Виктора Петровича и, что он очень уважал ее отца и уважает ее мать.

В марте умерла Нина Моисеевна. Я был в этот момент в отъезде. После возвращения я принес плату за квартиру и дочь поэта рассказала, что Виктор Петрович был на похоронах. Там на могиле матери он дал им клятву, что выйдет из журнала "Наш современник"... И действительно, в следующем номере журнала в составе редколлегии уже не было Астафьева В.П... Мы, почитатели его творчества, восприняли это как предвестник какой-то катастрофы.

Трудно нам было поверить этому: всегда независимый, сильный, не оборачивающийся ни на кого Виктор Петрович, выходивший всегда "на бой" с открытым забралом, лицом к лицу, по-русски рванув на себе рубаху. И вдруг, так, сразу, без боя... переломился надвое. И это не было следствием его характера...

Мне вспомнился тогда огромный дуб из детства, которому была не одна сотня лет. Старожилы рассказывали, что во время грозы дуб сразила молния, разломав на две части. Сломленная вершина упала рядом со стоящими остатками дуба. Молния выжгла его сердцевину и теперь в нем могла спрятаться от дождя гурьба детишек. Корни и внешняя оболочка дуба вопреки всему продолжали жить. Продолжали расти и его оставшиеся ветви. Но без вершины дуб уже не казался таким могучим и величественным. А рядом с ним целая колония древесного гриба превращала в труху некогда гордую его вершину. Молодая поросль, обступившая его, и проросшая от его желудей, медленно поднималась своими верхушками к нынешней вершине остатков его могущественного ствола. Быть может в них и будет продолжение его бывшего величия? В тот момент сознание почему-то сравнило его с Виктором Петровичем.

Сейчас Виктор Петрович сильно изменился, стал другим, раздраженным и где-то, как мне кажется, загнанным. Те, кто еще вчера называли его антисемитом, фашистом, человеконенавистником и т.п. оскорбительными терминами, теперь окружили его "вниманием". Он дал втянуть себя в политическую игру и резко изменил свои взгляды, которые формировались годами. У него чаще стали брать интервью, сняли фильмы о нем, посыпались награды, сначала от партократов, когда приезжал Горбачев, потом от "демократов"... Теперь он в сердцах ругает народ, который некогда защищал от всяческих нападков. А те, кто еще вчера его любили, восхищались им, отвернулись от него. Битие по одиночке вновь повторилось и по тому же отшлифованному правилу: разделяй и властвуй!

Что же случилось с Астафьевым - человеком? - Может быть сказывается усталость? Физически он же такой человек, как и мы. А может быть что-то сломалось в его душе? Нам это неизвестно, и Бог ему судья. Но мне, как читателю, почитающего талант Виктора Петровича, хотелось бы понять и спросить его:

Виктор Петрович, у вас была всенародная любовь, которая принесла вам славу великого писателя современности, у вас был надежный тыл - друзья - лучшие русские писатели, поэты, критики: В.Распутин, В.Белов, М. Н.Рубцов, А.Макаров и другие. Вы пережили жестокие времена детства, прошли самую жестокую войну и выстояли на ней, вы преодолели испытания

и в послевоенное время, неся самые дорогие для вас потери. Наконец за вас говорят, сильнее карканья окружившего вас воронья, ваши книги, которые уже вошли в золотой фонд русской литературы. Так почему же вы не использовали всю эту мощь, чтобы противостоять бесам современности, устроившим свой сатанинский шабаш в обескровленной и униженной ими же России, и теперь пытающихся вашими руками "вбивать последние гвозди в её березовый гроб"?

Наконец, вы смогли найти в себе силы, чтобы покаяться на могиле Бунина за нас грешных, почему же сейчас вам стали безразличны наши души?

Враги наши добивают нас по одиночке. Мы разобщены, может быть поэтому на Астафьева набросились с осуждением некогда почитающие его талант люди. С осуждением, а не попыткой понять и помочь, не позволив небольшой кучке манкуртов и космополитов провоцировать толпу "забрасывать и добивать камнями" того, кто послан судьбой принести нам вечное и доброе.

Для меня однозначно - русская литература уже не обойдется без него. Но и он - писатель Астафьев не сможете обойтись без нас - таких, какие мы есть, других - "лучших" нет, как и не будет у нас другого Отечества, кроме этого. А для него, значит и для нас важна жизнь писателя, его позиция в трудные для нас времена - уж такие мы от природы: коль любим, так любим в полную силу и прощаем многое, кроме, разве одного - предательства. И лично мне не хотелось бы, чтобы потом его имя, как человека-писателя красили в черные краски, причем те, кто ныне так "заботливо" его обхаживает. Теперь его имя принадлежит и нам. Но страшно становится, когда позвавший нас за собой сбивается с выбранного пути или теряет свой "зрячий посох".

Воистину: нет пророка в отечестве.

Игорь Кондраков

1991 г.

P.S. Примерно за год до смерти В.П.Астафьева произошла его знаменательная встреча с Георгием Жженовым – русским актером. Это встреча вылилась в документальный фильм «Русский крест», где я вновь увидел Виктора Петровича прежним, сбросившим с себя всю шелуху 90-х годов и сомнения. Он был и остался русским писателем.

2011 г.